
КОНТЕКСТ: СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР

А.А. ТОКАРЕВ*

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БЕЛОРУССИИ И НА УКРАИНЕ

Аннотация. В статье рассматривается национальное строительство на Украине и в Белоруссии после распада СССР, в том числе феномен сохранения / демонтажа институтов и политических практик СССР в постсоветских государствах. Выявляются различия между двумя странами. Влияние советского наследия исследуется по семи параметрам: языковой статус, официальное декларирование институциональной преемственности, государственные символы, памятники и архитектура, преподавание истории XX в., политический режим и массовые настроения.

Ключевые слова: распад СССР; постсоветское пространство; национальное строительство; Белоруссия; Украина; непризнанные государства; ДНР; ЛНР; Донбасс; советское наследие; символизм.

* **Токарев Алексей Александрович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, e-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Tokarev Aleksey, Center of Global Problem of the Institute of international researches of Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia (Moscow, Ruassia), e-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

A.A. Tokarev

**The comparative analysis of the soviet heritage influence
on Ukrainian and Belarus' nation-building**

Abstract. The article examines nation-building in Ukraine and Belarus after the USSR collapse. These cases are chosen for the research due to significant similarities between their historic development: both offered state systems alternative to the Moscow State and the Russian Empire, observed significant influence of linguistic and ethnic issues (Russian and Russians) over political process, shaped their territorial boundaries while being part of the Soviet Union. At the same time, it is their divergent development after 1991 (Ukraine rejects Soviet legacy while Belarus observes public demand for re-Sovietization) that allows exploring the phenomenon of preserving / dismantling Soviet institutions and political practices in post-Soviet states. The author examines Soviet legacy based on seven parameters: language status, official declaration of institutional continuity, state symbols, monuments and architecture, textbooks on history of the 20 century, modern political regime, and mass consciousness.

Keywords: The USSR collapse; post-Soviet space; nation-building; Belarus; Ukraine; unrecognized states; DPR; LPR; Donbas; Soviet legacy.

Украина является, вероятно, одной из самых интересных в исследовательском отношении стран на пространстве бывшего СССР. Ее государственная традиция в современных границах едва набирает 60 лет: Львов стал украинским лишь в 1939 г., Закарпатская область – в 1945, Крым был передан в 1954 г., Севастополь – в 1978. Сотканная из остатков различных империй территория, объединенная вокруг многовекового центра государственности в Киеве, была обречена на борьбу исторических традиций. Связанные с разными регионами постсоветские элиты, приходившие к власти, использовали эту борьбу и принципиально различные паттерны массового сознания в своих целях. В одних приграничных регионах Украины стояли памятники жертвам коммунизма и главе Организации украинских националистов (ОУН), в другом – жертвам бандеровцев. Республика Беларусь (далее – РБ), напротив, сохранила в общих чертах пантеон героев, имеет национальный консенсус в отношении антигероев и коллаборации и во многом сохраняет позитивное отношение к советскому наследию, несмотря на «постсоветский» характер собственной государственности.

За исключением России две славянские республики представляют собой наилучший пример для сравнения и выявления влияния советского наследия. Во-первых, они имеют собственные

политико-административные традиции. И Киев, и Минск в разные исторические периоды выступали в качестве альтернативных и даже противостоящих Москве и Санкт-Петербургу административных центров. Во-вторых, территории обеих стран являются образованиями, «собранными» в нынешнем виде именно в рамках Советского Союза после Великой Отечественной войны. В-третьих, в обоих государствах русский язык является наиболее употребимым в быту и имеет специальный статус. Лингвистический и этнический факторы (русскоязычные и русские по самоидентификации группы) оказывают важнейшее влияние на процессы национального строительства. Наконец, в той или иной степени оба государства борются с комплексом «младшего брата» по отношению к «старшей славянской сестре». Общность этих факторов и во многом различная, даже противоположная политика в области формирования украинской и белорусской национальной идентичности в период независимости позволяют нам обратиться к феномену советского наследия и его влиянию на современные политические процессы в обеих странах. Как частный случай мы рассмотрим попытку национального строительства в рамках непризнанных ЛНР и ДНР – не только потому что эти сецессии признаются частью Украины всеми членами ООН, но и потому что они представляют собой ярчайший пример формирования противостоящих «материнскому» государству политических традиций.

В данной статье мы пытаемся ответить на следующий исследовательский вопрос: как советское наследие, опосредуемое общественными группами (от оппозиции до власти) в процессе борьбы различных исторических традиций для реализации внутренней и внешней политики, влияет на украинское и белорусское национальное строительство в период независимости?

Влияние советского наследия мы будем анализировать по семи параметрам:

1) язык (сколько государственных языков, какой статус у русского языка);

2) официальное декларирование институциональной преемственности (какому государственному образованию суверенная постсоветская республика провозглашает преемственность);

3) государственные символы (воспроизводятся ли полностью или частично советские образы, награды и паттерны в официальных символах; сохранились ли государственные праздники советского

времени; используются ли советские символы в форме силовых структур; сохранилась ли советская номенклатура званий);

4) памятники и архитектура (сохраняют / демонтируют / ставят новые деятелям советской эпохи как общесоветского, так и локального значения);

5) история в учебных заведениях (как преподается советская история, особенно важнейшие события войны и Большого террора);

6) политический режим (используются ли советские практики в формировании отношений между государством и обществом);

7) массовые настроения (как население относится к вопросу о восстановлении СССР).

В самом начале стоит отметить, что советское наследие безусловно влияет на обе страны, однако общее утверждение, что «на Украине с ним тотально борются, а в РБ всячески поддерживают», нельзя назвать верным. Во-первых, в обоих государствах, несмотря на четкую определенность по отношению к СССР со стороны власти, существуют значимые общественные группы, имеющие альтернативную точку зрения. В этом смысле государственная политика определяется не только мнением власти. К тому же очевидно, что влияние традиций СССР не избирательно, а всеохватывающе и распространяется на все группы населения, независимо от наличия у них властных ресурсов. Во-вторых, в динамике с 1991 г. две страны не раз менялись местами по отношению к полюсам «поддержка» / «отрицание». Мы не ставим в данном исследовании задачу рассмотреть весь постсоветский период существования Украины и РБ, а будем упоминать лишь важнейшие эпизоды с 1991 по 2017 г., акцентируя внимание на современности.

Начало независимого существования РБ и Украины было отмечено разными политическими событиями, порой полярными. В первой к власти пришли националисты, во второй – умеренная по отношению к СССР группа. Из-за активной национализации, естественно базировавшейся на деконструкции советского, в РБ возникло ядро сопротивления, в которое вошли научные кадры, силовики, «красные директора», объединенные идеей ресоветизации. На первые (и последние) конкурентные президентские выборы в 1994 г. все кандидаты, за исключением двух, шли под лозунгами о реинтеграции с бывшими советскими республиками. Появление Александра Лукашенко, «возглавившего» «просоветский» лагерь, было обусловлено резким креном политического

курса в сторону национализма. На Украине, где такой крен не возник на государственном уровне, не было и сильного общественного запроса на ресоветизацию. Тем не менее обе страны в 1994 г. возглавили лидеры, в той или иной степени настроенные на улучшение отношений с Россией, укрепление положения русского языка и ресоветизацию (несмотря на образ «красного директора», Леонид Кучма – в значительно меньшей степени).

Рассмотрим развитие двух республик по выделенным нами выше параметрам.

1. Язык. В РБ на референдуме 1995 г. русский язык получил статус второго государственного, президент – право роспуска парламента и поддержку курса на экономическую интеграцию с Россией. В стране сложилась уникальная для постсоветского пространства ситуация: национальный язык не является ни основным фактором, ни основным инструментом национального строительства. Пик белорусизации пришелся на 1994 г., когда говоривших на белорусском языке в быту было 17%. Последние 23 года данный показатель колеблется в районе статистической погрешности (см. табл. 1).

Таблица 1

Каким языком, в основном, Вы пользуетесь в повседневном общении? (%)	1994	2001	2006	2015
Белорусский	17,3	1,7	3,5	3,3
Русский	66,6	46,4	61,0	68,5
Русский и белорусский	7,0	20,9	12,9	11,8
Смешанный («трасянка»)	6,4	30,0	21,4	16,2

Источник: [Николюк, 2015, с. 63].

Сложившаяся общественно-политическая ситуация в РБ определяет акцент на лингвистической белорусизации как прерогативу оппозиции. Власти используют этот вопрос в случаях, когда необходимо решать внешнеполитические проблемы в отношениях с Россией. Отдельные проявления белорусизации (надписи на вокзалах и в метро на белорусском и английском, переход минкульту в делопроизводстве только на белорусский, специальные дни, когда чиновники говорят только на белорусском) не способны изменить лингвистическое соотношение. По сути, в РБ вопрос о языке не определяет повестку дня.

На Украине, напротив, языковой вопрос является одним из важнейших факторов национального строительства. Оба президента условно юго-восточных регионов, Л. Кучма и В. Янукович, во всех своих избирательных кампаниях использовали желание населения укрепить статус русского языка. Однако многочисленные обещания сделать русский вторым государственным не были реализованы. В 2012 г. перед парламентскими выборами администрация В. Януковича провела через Верховную раду популистский закон «Об основах языковой политики», согласно которому русский и языки еще 12 меньшинств использовались в качестве официальных в местах компактного проживания этих меньшинств. В 2014 г. новая власть одним из первых решений попыталась отменить этот закон, воспринимавшийся массовым сознанием как закон о русском языке. Вмешательство ОБСЕ не позволило сделать этого.

После Евромайдана язык перестает быть политическим маркером. Из-за событий на юго-востоке и специфического освещения их в украинских медиа Россия теряет прямую связь с русскими на Украине. Раньше использование русского или украинского языка означало явное стремление граждан показать свою идентичность. После «революции достоинства», когда русский употреблялся наравне с украинским, а разделение протестующих и власти не носило никаких географических признаков (в отличие от осени 2004 г.), лингвистические маркеры оказывают меньшее влияние на восприятие собеседника. При этом государство всячески вытесняет русский язык из официального использования.

В настоящее время Украина остается билингвальной страной. Согласно опросу Центра Разумкова, 94% опрошенных отвечают «на русском», 91% – «на украинском» – на вопрос «На каких языках вы разговариваете?». Не так однозначны выводы, которые можно сделать при исследовании мнения украинцев о будущем обоих языков. Во-первых, устойчиво растет число тех, кто считает, что украинский должен оставаться единственным государственным языком, а русский – использоваться на бытовом уровне. Во-вторых, увеличивается количество настаивающих на сохранении русского в качестве официального в отдельных регионах. В-третьих, устойчиво снижается число желающих видеть оба языка государственными (см. табл. 2).

Таблица 2

Каким образом должны сосуществовать украинский и русский языки в Украине? (Динамика, 2005–2012) (%)	2005	2012
Украинский будет государственным, русский использоваться как языки других меньшинств на бытовом уровне	35,0	43,6
Украинский – государственный, русский – официальный в отдельных регионах	20,3	25,0
Оба государственных	37,0	23,9
Русский – государственный, украинский – официальный в отдельных регионах	3,0	2,0
Русский – государственный, украинский может использоваться на бытовом уровне	0,8	0,4
Затрудняюсь ответить	3,8	5,1

Источник: [Каким образом должны... 2005–2012].

По результатам опроса Киевского международного института социологии (КМИС) 2015 г., в случае проведения референдума о предоставлении русскому языку статуса второго государственного почти половина населения (48%) проголосовала бы против и лишь треть – за. КМИС в 2013–2015 гг. предлагал респондентам почти те же варианты ответов, что и Центр Разумкова (см. табл. 3).

Таблица 3

Как Вы считаете, какой должна быть государственная политика в отношении русского языка в Украине?(%)	Украина (2013–2015)	Западный	Центральный	Южный	Восточный (с Донбассом)
Нужно устранить из официального общения по всей Украине	19–21	42	24	13	3
Нужно сделать вторым официальным языком только в тех местностях, большинство населения которых этого желает	47–52	44	57	43	61
Нужно сделать вторым государственным языком Украины	27–19	6	8	37	31
Трудно сказать / Не знаю	7–6	7	8	6	5
НЕТ ОТВЕТА	0–2	1	3	1	0

Источник: [Отношение к статусу русского... 2015].

2. Официальное декларирование институциональной преемственности. В основных законах обеих стран упоминается «многовековая история государственности» и ничего не говорится о предшествующей республике Советского Союза или образовании времен Гражданской войны (УССР, БССР и УНР, БНР – соответственно). В декларировании собственных традиций государственности РБ более последовательна, чем Украина. С начала ресоветизации в 1994–1996 гг. в официальном дискурсе белорусских властей фигу-

рирует БССР как предшествующее суверенной Белоруссии государственное образование. Так, например, авторы «Энциклопедии идеологического работника», подготовленной Академией управления при президенте, пишут, что, находясь в составе «княжеств Древнерусского государства, ВКЛ, Речи Посполитой, Российской Империи... Беларусь по понятным причинам не имела своей государственности» [Чещевик, 2011, с. 356]. В учебнике «История Беларуси: становление национальной державности 1917–1922» прямо указывается: «Суверенная, независимая республика Беларусь “вышла” из БССР» [Круталевич, 2003, с. 6].

На Украине преемственность УССР не провозглашалась из-за того, что республика воспринималась прежде всего как набор социокультурных характеристик жизни в СССР, а не как историческая форма государства. Особенно после Евромайдана и окончательной институционализации курса на разрыв с Россией и ориентации на Европу УССР стала в общественном дискурсе одним из главных негативных примеров взаимоотношений в треугольнике «гражданин – общество – власть». В то же время украинская власть не может апеллировать к УНР как государству, продолжателем которого она является, исключая период нахождения в составе СССР, поскольку современная украинская территория, признаваемая большинством членов ООН, была сформирована именно в рамках СССР советскими лидерами.

Аналогичным образом власти ЛНР и ДНР не способны апеллировать к советскому прошлому, поскольку в рамках СССР Луганская и Донецкая области УССР не имели автономии или особого статуса. Парадоксальным образом идеологи самопровозглашенных республик вынуждены «пропускать» советский период и «протягивать» традицию к Донецко-Криворожской республике, существовавшей в Гражданскую войну.

Официальный Минск до последнего времени не делал ставку на несоветские исторические нарративы, однако в 2017 г. президент Лукашенко поручил провести научные изыскания, с тем чтобы «внедрить в умы наших людей правду» [В учебниках истории, 2017], под которой понимается «удревнение» истоков государства вплоть до середины IX в. Официальный Киев тоже старается «продлевать» историю современной украинской государственности в глубь веков – от УНР / ЗУНР вплоть до концепта «Русь-Украина», которым в общем виде подменяет Киевскую Русь. Однако к совет-

скому наследию это не имеет прямого отношения и соотносится с ним лишь посредством реакции на многочисленные волны украинизации / русификации, прокатывавшиеся по территории Украины с 1870-х годов.

3. Государственные символы. В РБ по итогам референдума 1995 г. государственная символика стала фактически советской. Бело-красно-белый флаг, бывший для помнившего войну поколения символом коллаборации, и герб Погоня были заменены на флаг и герб БССР с незначительными отличиями. Сейчас белый флаг с красной полосой и Погоня являются символическим капиталом оппозиции. Герб, гимн и флаг постсоветской Украины не имеют ничего общего с символами УССР. В отличие от белорусской ситуации символически прослеживается линия преемственности с УНР и отдельными казацкими объединениями (на уровне флага и праздника День соборности) и Киевской Русью времен князя Владимира (на уровне герба). То есть в отношении государственных символов подходы РБ и Украины прямо противоположны: первая включает советскую символику, вторая исключает.

В символах более низкого уровня советское в РБ воспроизводится постоянно. Кокарда на милицейской фуражке, нагрудные знаки МВД и КГБ РБ почти дословно повторяют аналоги советской милиции и чекистов вплоть до форм щитов, изгибов гарды и лент, но звезда, серп и молот заменены на герб Белоруссии. В военных музеях городов размещаются почетные грамоты и красные знамена со звездой и черно-оранжевыми полосами по бокам «за мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны», вручаемые городам указом президента. Наследие белорусской культуры в наградной системе – орден и медаль Франциска Скорины, проявление белорусского суверенитета символов – ордена Отечества и Почета. Медали Жукова, 50-, 60-, 65-, 70-летия Победы в Белоруссии те же, что и в России. Отличие белорусской медали «За отвагу» от советского оригинала – в языке надписи, медали «Герой Белоруссии» от «Золотой звезды» героя СССР – в цвете флага, к красному цвету которого добавилась зеленая полоска, ордена Матери от советской медали материнства – в зеркальном отображении. Сочетание цветов национального флага и георгиевской ленты помещено на колодку ордена Воинской славы. Орден «За службу Родине в ВС СССР» трех степеней в Белоруссии стал ор-

деном ЗА службу Родине, с советского ордена Дружбы народов исчез герб СССР, а в белорусской копии появился земной шар.

Высшая награда Украины – орден Золотая звезда – отдаленно напоминает медаль героя Советского Союза. Ордена державы, Ярослава Мудрого, «За заслуги» и прочие учреждались постсоветской Украиной без учета символов советской наградной системы. На существовавшие в СССР ордена Богдана Хмельницкого и «За личное мужество» одноименные украинские награды не похожи в принципе. Четвертую по старшинству медаль Защитнику Отчизны в 2015 г. лишили георгиевской ленты. В 2004 г. была учреждена юбилейная медаль в честь освобождения Украины от фашистов (1944–2004). За прошедшие с момента распада СССР годы с формы представителей силовых структур были убраны все советские символы. В 2016 г., помимо перехода на новые, несоветские стандарты формы, Украина отказалась от звезд на погонах и их привычного расположения – их заменили ромбы в ряд.

В РБ есть пять государственных праздников: дни Конституции, единения народов Беларуси и России, Победы, Государственного Герба и Флага, Независимости. Характерно отличие от прочих постсоветских стран – на государственном уровне не подчеркивается независимость от СССР (как правило, день принятия декларации о государственном суверенитете), а празднуется освобождение Минска от вермахта в 1944 г. Кроме того, в стране существуют светские и религиозные праздничные дни: Новый год, дни защитников Отечества и ВС РБ (23 февраля), женщин (8 марта), труда (1 мая), Октябрьской революции (7 ноября); православное и католическое Рождество, католическая и православная Пасха, православная Радуница и католический день памяти.

На Украине государственными являются десять праздников, три из которых религиозные. Советские праздники 8 Марта, 1–2 и 9 Мая остаются. Однако, в отличие от РБ, украинские власти уравновешивают советскую символическую часть календаря, в отдельных случаях прямо противопоставляя советским символам. Вместо 23 февраля день защитника Украины празднуется 14 октября – в день основания Украинской повстанческой армии (УПА) (при переносе праздника президент Порошенко особенно подчеркнул, что страна не должна использовать чужой календарь), а параллельно 9 мая отмечают и 8-е – вместе с окончанием Второй мировой войны в Европе. Официальный праздник установлен 22 января – в

день соборности Украины страна отмечает объединение УНР и ЗУНР, таким образом все же находя в календаре место для символического упоминания государственного образования, предшествующего советскому.

Парадная и повседневная форма, используемая в белорусских ВС, в значительной степени повторяет советскую форму 1980-х годов, однако символика на погонах и шевронах – белорусская. Полевая форма существенно улучшена по сравнению с советской, в спецподразделениях полевая форма мало чем отличается от натовской. Знаки различия и система званий идентичны советским, хотя иерархия званий обрывается на генерал-полковнике, звания генерал армии и маршал упразднены. На Украине заменили не только армейскую форму и погоны, приблизив их к натовским аналогам, но и постоянно говорят о замене званий силовиков. Пока же система званий остается советской.

Негосударственный, но один из важнейших символов-маркеров по отношению к советскому наследию на постсоветском пространстве – георгиевская ленточка и ее аналоги. В РБ (равно как в Киргизии и Казахстане) в 2010-е годы появились ленты цветов национального флага с тем же ценностным и практическим функционалом: повязывая их на сумки, машины и т.д., граждане демонстрируют особое отношение к празднику 9 Мая. На Донбассе георгиевская ленточка стала символом сопротивления официальному Киеву. По этой причине последний сделал все, чтобы на подконтрольной ему территории Украины она воспринималась как символ сепаратизма, который не просто не уместен, а требует сопротивления (вплоть до вызова полиции или физического воздействия). Власти непризнанных республик, наоборот, фактически слово в слово повторяют советские лозунги о борьбе с фашизмом и всячески отождествляют свою борьбу за независимость с Великой Отечественной войной, отобразая отдельные инкарнации неонацизма в качестве магистрального тренда всей Украины. В РБ георгиевская ленточка тоже крайне политизирована. По идеологической вертикали в 2014–2016 гг. проходили указания не использовать ее в рамках празднования 9 Мая (вместо нее предлагалась красно-зеленая лента «цвета победы»), что не возымело действия на общество, продолжающее использовать ее (в отличие от представителей власти и аффилированных с государством организаций – почты, железной дороги, автопредприятий и т.д.).

4. Памятники и архитектура. Советские памятники в РБ не сносили. История о небрежном отношении к истории получила распространение в антисоветски ориентированном сообществе¹. Советские гербы, памятники коммунистическим вождям (основные – Ленин и Дзержинский), советским маршалам и министрам, изображение Московского Кремля, советских орденов и медалей, звезды, серпы и молоты представлены по всей стране: и в архитектуре, и на рекламных площадях. Они соседствуют с памятниками представителям досоветской и даже антисоветской эпох: Витовту, Петру Столыпину и Каролу Войтыле.

На Украине снос и охрана памятников Ленину, напротив, стали трендами на рубеже 2013–2014 гг. Стихийно возникавшие «майданы», желающие снести памятник, и «антимайданы», стремящиеся защитить его, независимо от идеологических установок были противоборствующими лагерями по всей стране. Причем эта волна продолжила ту, что стартовала в 1990-е годы в западных регионах. Памятник Ленину в Донецке стал символом сопротивления официальному Киеву (охрана его полицией и попытки нанести ему ущерб свидетельствовали об анти- и прокиевских настроениях). Воздвигнутый в 2014 г. перед Луганской областной администрации монумент соединял в себе гербы Российской империи и Советского Союза.

В РБ невозможно представить памятник коллаборантам, поскольку отношение и в обществе, и в профессиональном историческом сообществе к Великой Отечественной войне в основном однозначное (хотя в академической среде встречаются исключения, когда РККА и вермахт уравниваются). Частично это обусловлено тем, что многие годы БССР руководили функционеры, бывшие партизанами в период войны. На Украине, напротив, коллаборантам воздвигались памятники, их именами назывались городские объекты, а портреты использовались в шествиях националистов. Их общая героизация часто подавалась властями как «примирение воинов РККА и УПА». Эти общественные феномены появились в 1990-е годы, а после Евромайдана данные тенденции усилились.

¹В 1995 г. через два дня после референдума о символике с крыши Дома правительства в Минске бело-красно-белое полотнище, на тот момент – государственный флаг страны, было снято и, вместо того чтобы отправиться в музей, разрезано на куски, на которых управляющий делами президента расписывался лично.

5. История в учебных заведениях. Для полноценного анализа белорусских и украинских учебников требуется отдельное исследование. В данной статье мы останавливаемся на ключевых результатах наших полевых исследований 2016 г., не претендуя на полноту знания. Мы рассматриваем украинские исторические учебники, в том числе в сравнении с белорусскими пособиями по основам идеологии, поскольку на Украине нет подобной дисциплины, а в РБ именно в рамках этого курса представлено четкое видение государства в отношении самого себя.

В белорусской истории, в отличие от украинской со знаменитым Эмским указом, меньше оснований для развития дискурса о губительности для национальной интеллигенции репрессий, как имперских, так и советских. Кроме того, советская политика коренизации способствовала развитию национальной белорусской культуры. В БССР после войны диссидентов было сравнительно немного, что говорит о слабости постсоветской традиции несогласия с властью.

Доктор наук Александр Гронский, посвятивший исследованию школьных и вузовских учебников истории РБ не одну работу, описывает свойственный всем постсоветским странам феномен, когда внедряются несоветские национальные конструкты. Белорусская ситуация уникальна тем, что авторы учебников пытаются подменить целое частным: СССР – БССР. Это позволяет понять латентное отрицание общесоветской истории как своей: несмотря на позитивно-нейтральное отношение к советскому наследию в учебниках, об СССР рассказывается в курсе «Всемирной истории», а курс «Отечественная история» посвящен лишь БССР. «Изучая СССР в курсе всемирной истории, волей-неволей школьник приходит к убеждению, что Белоруссия в его составе была формально, а сам СССР воспринимается как что-то похожее на СНГ, где существует формальное единство, а в реальности все страны-участницы ведут свою политику без оглядки на другие части Содружества. Исходя из таких текстов, школьники представляют Великую Отечественную войну не как борьбу советского народа, а как противостояние белорусов с немцами. И хотя в тексте учебника указывается, что воевали советские солдаты, существовал советский тыл, но все же, видимо, внимание на это школьники не обращают. Подтверждением этому может служить анализ школьных сочинений о Великой Отечественной войне, в которых

школьники и учащиеся профтехучилищ явно прописывали только то, что Гитлер напал именно на белорусов и хотел уничтожить именно их, а белорусы освободили половину Европы и победили в войне» [Гронский, 2011, с. 239]. Эти же тенденции распространяются и на досоветскую историографию. Гронский подчеркивает тенденцию: «Если белорусы или их предки проживают совместно с русскими или их предками (Российская Империя, Советский Союз) или даже однозначно являются одним народом (Древняя Русь), тогда эти “общие” государства не рассматриваются в белорусских учебниках как “свои”. Если же белорусы или их предки проживают в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских или их предков (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается как “свое”. В итоге у школьников формируется убежденность в том, какие государства были для белорусов чужими» [Гронский, 2011, с. 240–241].

Про Вторую мировую войну идеологическим работникам, по мнению авторов «Энциклопедии...», знать не следует. Великая Отечественная война определяется в первых строках как «справедливая освободительная за свободу и независимость...» [Чешихин, 2011, С. 200]. Пакт Молотова – Риббентропа и вторжение СССР в Польшу 17 сентября 1939 г. не упоминаются. Белорусская интерпретация войны в целом похожа на российскую, но явно отличается в отношении описания начала Второй мировой. В минском музее Великой Отечественной войны, над которым реет знамя СССР, напольные плиты отсчитывают даты до 22 июня 1941 г. День нападения на Польшу Германии там есть, СССР – нет. На памятнике «Тысячелетие Бреста» написано, что в 1939 году белорусские земли были присоединены. В белорусских учебниках школьникам сообщают, что жители формально польских земель, по которым с 17 сентября 1939 г. Красная армия шла навстречу вермахту, «встречали их как избавителей, с надеждой, хлебом-солью» [Вабішчэвіч, 2006, с. 234]. Вузовские учебники более конкретны: они упоминают и пакт Молотова – Риббентропа, и вступление СССР во Вторую мировую, но называют это «освободительным походом Красной армии» для «воссоединения белорусских земель». Тема «СССР и Германия – союзники» не представлена в учебниках. Однако в музее обороны Брестской крепости выставляется совместная фотография комбрига Кривошеева и генерала Гу-

дериана и рассказывается о совместном прохождении войск РККА и вермахта перед ними при передаче Бреста советским войскам в сентябре 1939 г. Репрессии в учебниках упоминаются, но сухо – на основе цифр.

Советский Союз описывается в «Энциклопедии...» отстраненно. Сталинский СССР упоминается как пример тоталитарного государства в параграфе про тоталитаризм, а с точки зрения сравнения его с гитлеровской Германией и Италией Муссолини нейтрально сказано, что «эта модель стала предметом исследований в области истории и политологии». Иосиф Сталин упоминается в положительном контексте в статье о войне, в ходе которой он «проявил недюжинные организаторские способности, полководческое и дипломатическое искусство». Предельно нейтрально говорится об Октябрьской революции – «крупнейшем политическом событии в истории человечества, повлиявшем на всю историю XX века».

В Национальной библиотеке Украины меньше 200 книг для обучения студентов и школьников (речь идет обо всем: школьных и вузовских учебниках, конспектах лекций, пособиях для подготовки к украинскому аналогу ЕГЭ, книгах для учителя, методичках и прочем, за исключением монографий). После 2000 г. число карточек «история Украины» в указателе: на украинском – 104 (их число сильно увеличивается после 2004 г.); на русском – 37 (и это распределение равномерно). В книгах 2015 г. уже упоминается Евромайдан. Книги 1940 или 1959 гг. – исключение, совсем немного из 1990-х – меньше трех десятков на обоих языках. Абсолютное большинство напечатано в XXI в. География украинского – вся страна, русского – только Харьков, Киев, Черкассы и Донецк.

Для понимания интерпретаций истории на Украине в качестве казуса можно рассмотреть два учебника одного автора, рекомендованных Министерством образования. В 2002 г. Павел Полянский пишет украинским школьникам в теме № 4 про «тоталитарные и диктаторские режимы», а уже в 2010 те же события называет «периодом послевоенного кризиса и революций». Обложки отличаются разительно. В 2010 г. обложка избавлена от идеологии в принципе. В 2002 г. на обложке – борьба двух уравниваемых в книге тоталитарных режимов, сталинского и гитлеровского. Слева шпееровский Зал народа (Купольный дворец), справа – Дворец советов Иофана. Левый венчает орел со свастикой, правый – Ленин.

В 2002 г. Павел Полянский не объясняет школьнику, что Гражданская война шла не только на территории России, но и на Кавказе, в Средней Азии, на Украине. Темы называются однозначно «гражданская война в России», «российская революция». Легенда карты подписана «территории независимых государств, оккупированных советской Россией в 1918–1921 годах» [Полянский, 2003, с. 43], закрашены этим цветом нынешние Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Азербайджан. В 2010 г. на похожей карте Павел Полянский кардинально меняет дискурс: те же места на карте становятся «территориями, занятыми красной армией до 1921 года» [Полянский, 2010, с. 39]. Фраза «основные виды тоталитаризма были представлены большевизмом (СССР), нацизмом (Германия) и фашизмом (Италия)» останется в обоих учебниках. О гражданской войне на Украине сказано, что возникла Центральная рада.

Учебник «Всемирная история» для 11-классников Кучера и Майборода, также рекомендованный Министерством образования, пакту Молотова – Риббентропа уделяет гораздо большее внимание, чем, например, битве под Москвой или операции «Багратион». В отличие от белорусских авторов учебников украинские авторы хоть и признают, что территория страны сформировалась именно в составе Советского Союза, присоединение Западной Украины описывают фразой «радость от этого быстро ушла – на весь край накатил вал жесточайшего террора» [Кучер, Майборода, 2005, с. 234]. Слов «Великая Отечественная война» в книге нет в принципе. Описание Второй мировой войны отличается тем, что блокаде Ленинграда посвящена одна фраза, приказу «Ни шагу назад!» – три больших абзаца, оборона Крыма сменяется Перл-Харбором, а Сталинградская битва предваряется войной в Северной Африке.

В учебнике «Новейшая история Украины» Турченко, изданном еще в 2002 г., Голодомор 1932–1933 гг. назван «одним из страшнейших преступлений сталинизма против украинского народа». Подчеркивается, что «селяне вынуждены были есть собак, котов, трупы лошадей, листья и кору деревьев» [Турченко, 2002, с. 101]. Про голод в Поволжье и Северном Казахстане – одной строкой. Заслуги советского государства по отношению к УССР декларируются в меньшем объеме, нежели несчастья, принесенные советским руководством украинскому народу. Про участие Украин-

ской ССР в основании ООН, как правило, авторы рассказывают одним предложением, про политику коренизации 1920-х годов – парой абзацев, справедливо объясняя украинизацию не заботой большевиков об украинской нации, но желанием укрепить собственную власть.

В некоторых учебниках подробно рассказывается о коллаборационизме и перечисляются нацистские формирования, с которыми сотрудничали украинские националисты. В других советскому партизанскому движению посвящена одна страница и в шесть раз больше – деятельности ОУН и УПА. Украинцы во главе СССР не удостоиваются особого внимания украинских авторов. Параграф про годы застоя в одном из учебников начинается с неоднозначной фразы «Леонид Брежнев – человек невысокого интеллектуального уровня был неспособен понять необходимость принципиально новой схемы развития страны...» [Ладиченко, 2011, с. 166].

Знакомство с этими текстами позволяет предположить, что содержание украинских учебников сильнее белорусских зависит от политической конъюнктуры, а сами они используются в политических целях.

6. Специфика политического режима. Помимо того, что у политических элит рассматриваемых стран разные геополитические взгляды¹, различаются и политические режимы РБ и Украины. Постсоветская РБ во многом похожа на доперестроечный СССР в политическом смысле, Украина имеет значительные отличия.

Начиная с выборов 1994 г., в РБ конструировался авторитарный политический режим, основу легитимации которого закладывали «референдумные» выборы, которые шли по привычному сценарию одобрения деятельности А. Лукашенко (ни на одних выборах он не получал меньше 79%). На Украине власть и оппо-

¹ Позиция белорусских элит отличалась в 1990-х годах от украинских по вопросу о восстановлении СССР в усеченном виде. Первые в целом одобряли курс А. Лукашенко на объединение РФ и РБ с целью возглавить новое государственное образование после окончания президентства Бориса Ельцина. Вторые, несмотря на заявления и подписываемые договоры о стратегическом партнерстве с Россией, не рассматривали всерьез вариант объединения. Предпочтительным был вариант формирования собственно украинской национальной и государственной идентичности (символом этого стала предложенная Л. Кучмой формула «Украина – не Россия»).

зиция неоднократно менялись местами и на президентских, и на парламентских выборах. Уровень свободы СМИ, собраний в РБ и на Украине сильно разнится. Украинские СМИ всю постсоветскую историю активно критиковали всех представителей власти. В РБ официальная цензура отсутствует, но массмедиа подвергаются ей де-факто. По сравнению с Украиной можно говорить о постепенной сакрализации личности президента Лукашенко посредством массмедиа и идеологической вертикали. В отношении массовых собраний РБ разительно отличается от соседа, поскольку любая оппозиционная активность может быть подавлена властью (как правило, разрешение антивластных собраний или амнистия политическим заключенным имеют в качестве причины приближение переговоров белорусских лидеров с западными). При этом в РБ «на кухнях» можно обсуждать все без страха оказаться объектом интереса со стороны КГБ. В этом смысле РБ воспроизводит советскую общественную атмосферу.

Белоруссия сохраняет не только символическое наследие СССР, но советскую практику функционирования государственной идеологии. Не столько ценностная, сколько институциональная преемственность – главное отличие РБ от Украины. В стране существуют две идеологические вертикали. Неофициальная представляет собой иерархию институтов социализации молодежи – от Республиканской пионерской организации (численностью около 570 тыс. человек) до Белорусского республиканского союза молодежи, объявляющего себя преемником комсомола БССР (480 тыс. человек). Официальная идеологическая вертикаль пронизывает все уровни власти. Координацию осуществляет главное идеологическое управление администрации президента. С ним в обязательном порядке согласовывается назначение на должности главных редакторов государственных СМИ и заместителей руководителя по идеологии на госпредприятиях, в вузах и ссузах. Уровнем ниже в иерархии находятся шесть идеологических управлений облисполкомов и управление Минского горисполкома со штатной численностью 15 человек каждое. Согласно должностной инструкции, начальники таких управлений обязаны не только бороться с асоциальными явлениями в обществе, повышать профессиональный уровень журналистов, организовывать неукоснительное выполнение директив президента, пропагандировать патриотизм и занятия спортом, но и «обеспечивать меры по недопущению проведения

несанкционированных митингов, шествий, протестных акций и других действий оппозиционных структур» [Князев С., 2009, с. 546]. За областными управлениями следуют отделы идеологической работы на уровне райисполкомов, горисполкомов и местных администраций. Во всех коллективах есть заместители руководителей по идеологии, которые согласно президентскому указу от 2004 г. «несут персональную ответственность за состояние идеологической работы».

Годом ранее были созданы информационно-идеологические группы. Каждый третий четверг месяца в стране наступает «единый день информирования» – «для реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о деятельности госорганов». Подобные группы, делящиеся на отраслевые и территориальные, должны объяснять населению вопросы внутренней и внешней политики государства, причем «не формально, а компетентно». Раз в неделю в школах проводится 15-минутка, в ходе которой учитель беседует с детьми на разные темы общественно-политического характера. С недавних пор Академия управления при Президенте выпускает небольшое количество профессиональных идеологов. В вузах преподается обязательный курс идеологии РБ, по которому есть несколько учебников и пособий.

Украина быстро избавилась от советской идеологической вертикали, чему способствовали свободные медиа, приватизированные частными группами. Однако политический режим нельзя признать демократическим, что во многом объясняется значительным уровнем приватизации государства частными лицами. Эта слабость государственного аппарата и его зависимость от настроений крупнейших бизнес-игроков и улицы не позволяет стране ни решить крупнейшую внешнеполитическую проблему, ни разрешить конфликт во внутренней политике. Власть вынуждена балансировать между законом, национальными интересами и инстинктом самосохранения.

В начале марта 2017 г. украинская фабрика мысли «Центр экономической стратегии» представила доклад «Захват государственных институтов», в котором назвала пять субъектов, владеющих одновременно инструментами власти, бизнеса и медиа: Виктор Пинчук, Дмитрий Фирташ, Ринат Ахметов, Петр Порошенко, Игорь Коломойский [Звильнити захоплену державу, 2017]. Противоречия между ними определяют рамки и последствия принимае-

мых решений. Спустя три года после Евромайдана, который выступал за деолигархизацию, украинская система власти остается крайне похожей на ту, что выстраивалась вокруг президентов Кучмы, Ющенко и Януковича. Несмотря на значительные полицейские, армейские и антикоррупционные реформы, «олигархические договоренности» по-прежнему заменяют собой прозрачные процедуры. Наиболее ресурсообеспеченные группы при помощи госаппарата конкурируют между собой, а закон находится в подчиненном положении по отношению к их договоренностям.

7. Массовые настроения. Мнения жителей РБ и Украины относительно отдельных политических событий советского периода в значительной степени различаются. Например, в отличие от РБ, где отношение к Великой Отечественной войне не вызывает серьезных разногласий, на Украине противостоящие друг другу группы продолжают использовать противоположные трактовки этого исторического события. Это проявляется как на уровне официальной политики и риторики, так и на уровне массового сознания и поведения. Нынешняя украинская власть воюет с советским наследием так же, как с ним боролся Виктор Ющенко, пытаясь примирить ветеранов Красной армии и бойцов УПА. При Викторе Януковиче на 9 Мая в западных областях националисты устраивали провокации, а суды запрещали проведение праздничных мероприятий. Президент Ющенко присваивал звания героев Украины Бандере и Шухевичу, президент Янукович этот указ отменял через суд. Президент Янукович добивался установления Знамени Победы в качестве официального символа, облсоветы на Западной Украине его использование запрещали. Президент Порошенко назвал акцию «Бессмертный полк» в мае 2017 г. прокремлевской, а националисты включили песню про нацистский батальон «Нахтигаль». В качестве реакции на столкновения участников акции с «титущками» и националистами мэр Днепра Борис Филатов пригрозил созданием аналога немецкого добровольческого корпуса «Фрайкор», члены которого позднее примкнули к НСДАП. На Донбассе случаются столкновения неонацистских батальонов с ополченцами с георгиевскими ленточками.

Различаются и мнения граждан РБ и Украины по вопросу о восстановлении СССР, однако здесь есть и объединяющий тренд.

Отношение белорусов к этой проблеме изучал в течение 20 лет Независимый институт социально-экономических и политических исследований – старейшая негосударственная социоло-

гическая организация, которая базируется за пределами Белоруссии и не контролируется властями (НИСЭПИ¹). Число тех, кто отвечал на озвученный вопрос «да», с годами снижалось, а тех, кто говорил «нет», – росло (см. табл. 4).

Таблица 4

Хотели ли бы Вы восстановления СССР? (%)	1993	1997	1999	2002	2004	2005	2006	2013
Да	55,1	49,9	38,0	38,8	39,5	38,0	26,7	22,2
Нет	22,3	25,5	30,1	42,6	50,8	48,3	63,4	58,5
ЗО / НО	22,6	24,6	31,9	18,6	9,7	13,7	9,9	19,3

Источник: [Большинству милей Россия... 2015].

Подобными панельными исследованиями по Украине мы не располагаем, но в 2005 г., согласно данным Центра Разумкова, на вопрос «Хотите ли восстановления Советского Союза и социалистической системы?» 48,7% опрошенных отвечали «да» (из них больше половины с оговоркой), 51% – «нет» (см. табл. 5). По данным социологической группы «Рейтинг», динамика ностальгии по СССР также имеет нисходящий тренд (см. табл. 6).

Таблица 5

Хотите ли восстановления Советского Союза и социалистической системы? (%)	Запад	Центр	Юг	Восток	Украина
Да	5,0	21,3	27,2	25,1	20,4
Да, но я понимаю, что в современных условиях это нереально	11,3	31,4	46,2	26,6	28,3
Нет	83,6	46,9	26,2	47,7	51,3

Источник: [Хотите ли восстановления... 2005].

Таблица 6

Вы сожалеете о распаде СССР? Ответ «Да», % от опрошенных				
2010	2013	2014	2015	2016
46	41	33	31	35

Источник: [Динамика ностальгии по СССР, 2015].

¹Важно отметить, что к цифрам НИСЭПИ нужно относиться осторожно, поскольку, по утверждению их коллег-социологов, они не имеют сети интервьюеров по стране, однако благодаря их цифрам можно проследивать многолетние тенденции – правластные социологи не делают подобных опросов.

Таким образом, на основании долговременных социологических исследований мы можем сделать вывод о том, что несмотря на политическую организацию общества, государственную символическую и историческую политику, время существования независимой государственности влияет на массовое сознание сходным образом. Уровень ностальгии по СССР устойчиво снижается в обеих странах.

Этому способствует и политика закрепления государственной идентичности. И в РБ, и на Украине во всех городах страны можно видеть билборды с очертаниями территории (для Украины по понятным причинам сейчас это крайне важная тема) и напоминанием «Мы – белорусы!», «Мы – украинцы!». В обеих странах прошли волны переименований топонимов, но в РБ это носило эклектичный характер (герб СССР и бюст Ленина располагаются на станции метро «Площадь Ленина» под проспектом Независимости), а на Украине после 2013 г. – тотальный.

Несмотря на этот общий тренд, различия при воспроизводстве советского наследия сохраняются. В Белоруссии оно проявляется сильнее не только из-за нетронутой символики вроде памятников коммунистическим вождям и сохранения звезд, серпов и молотов по всей стране. Более глубокие пласты – функционирование идеологической вертикали, неконкурентная партийная система (вместо КПСС – АП), отсутствие конкурентных выборов, экономическая модель с широчайшим влиянием государства, избирательная узкая приватизация, зависимость карьерных траекторий от «правильности» идеологических воззрений, – все это дает основания говорить о воспроизводстве советских институциональных моделей.

С советским наследием на Украине борются на официальном уровне путем запретов символов и аудиовизуальной продукции, подменой устоявшегося дискурса («Вторая мировая» вместо «Великой Отечественной», «ветераны АТО» вместо «ветераны войны»), внедрения новых символов (мак вместо георгиевской ленточки) и праздников (8 мая, 14 октября). Украинские националисты используют откровенно неонацистские образы (от Харькова, где в историческом музее можно видеть нацистские символы в экспозиции АТО, до Львова, исторический музей которого о гербе СССР и нацистской Германии рассказывает на равных). Однако есть еще один пласт массового сознания, не затрагиваемый ни властями, ни националистами. Мы можем назвать его «украинство без

исключения советского нарратива». Памятник маленькому Володе Ленину в Харькове, раскрашенный цветами украинской национальной одежды, памятные стелы с советскими гербами, поверх которых нанесена желто-голубая краска, граффити капитана Титаренко из снятого на студии Довженко культового кино – на фоне украинского флага, граффити Людмилы Гурченко в Харькове, ролик телеканала «Интер», основанный на кадрах из фильма «В бой идут одни старики», тотальная декоммунизация на законодательном уровне при сохранении порядка и реставрации парков Победы и памятников героям Великой Отечественной, несколько сотен тысяч украинцев, вышедших на акцию «Бессмертный полк» в 2017 г., ношение советских медалей на кителе, рядом с которыми прикреплены красный мак и ленточка национального флага и т.д. В рамках этого тренда часть современной Украины в восточных регионах пытается выстроить собственный нарратив, не отрицая полностью советское, а вписывая его в национальный украинский контекст. В этом часть украинского общества похожа на РФ.

Помимо этого, советское наследие на Украине также проявляется в слабости формальных институтов, преобладании неформальных практик и правил, неспособности и нежелании основных политических сил прийти к согласию по основным «устанавливающим» вопросам. Несмотря на внешние признаки либеральной демократии (свободные выборы, высокий уровень политического участия, независимые от государства массмедиа) украинское государство остается в высокой степени приватизированным лицами, не наделенными политическими полномочиями посредством выборов. В этом смысле страна воспроизводит советскую систему, при которой всенародные выборы не влияют на кардинальную смену политического курса. Отличие от советских времен заключается в наличии многих конкурирующих между собой партийных проектов. Однако каждый из них является более инструментом в борьбе ФПГ друг с другом, нежели каналом политической коммуникации граждан и государства. Аналогичная ситуация с низким уровнем влияния общества на власть имеет место и в Белоруссии, перенимающей иную советскую практику – выделение руководителя государства и его бюрократического аппарата в качестве основы политической системы. При этом в символическом смысле (архитектура, памятники, государственная символика, учебники истории и т.д.) два государства развиваются по противоположным траекториям.

Список литературы

- Большинству милей Россия, а не СССР / НИСЭПИ. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.iiseeps.org/?p=1739> (Дата посещения: 14.06.2017.)
- В учебниках истории Беларуси расставят новые акценты // DW. – Минск, 2017. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/a-37854013> (Дата посещения: 20.05.2017.)
- Вабішчэвіч А.* Гісторыя Беларусі 1917–1945. – Минск, 2006. – 345 с.
- Гронский А.Д.* Белорусские учебники истории о Великой Отечественной войне // Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Севастополь, 15–17 июня 2011 года). – Киев: ПП «Золоті ворота», 2011. – С. 236–246.
- Динамика ностальгии по СССР / Группа «Рейтинг». – Киев, 2015. – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/dinamika_nostalgiu_po_sssr.html (Дата посещения: 20.06.2017.)
- Звільнити захоплену державу Україна / Центр економічної стратегії. – Киев, 2017. – Режим доступа: <http://ces.org.ua/zvilnyty-zakhoplenu-derzhavu-ukraina/> (Дата посещения: 20.05.2017.)
- Каким образом должны сосуществовать украинский и русский языки в Украине? (Динамика, 2005–2012) / Центр Разумкова. – Киев, 2005–2012. – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=289 (Дата посещения: 20.05.2017.)
- Князев С.* Основы идеологии белорусского государства. – Минск: БГУИР, 2009. – 680 с.
- Круталевич В.А.* История Беларуси: Становление национальной державности 1917–1922. – Минск, 2003: Право и экономика. – 585 с.
- Кучер В.І., Майборода О.М.* Всесвітня історія. Новітній період (від початку Другої світової війни): Підручник для 11-кл. – Киев: Генеза, 2005. – 416 с.
- Ладиченко Т.В.* Всесвітня історія 11 клас. – Киев: Грамота, 2011. – 456 с.
- Николюк С.* Испытание «Газпромом» // Вестник общественного мнения. – М., 2008. – № 2. – С. 60–66.
- Николюк С.* Цивилизационное измерение «Крымнаша» // Вестник общественного мнения. – М., 2015. – № 2 (120), апрель–июнь. – С. 37–47.
- Отношение к статусу русского языка в Украине // КМИС. – Киев, 2015. – Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=517&page=1> (Дата посещения: 20.05.2017.)
- Полянський П.Б.* Всесвітня історія. 1914–1939: Підручн. для 10 класу. – Київ: Генеза, 2003. – 288 с.
- Полянський П.Б.* Всесвітня історія. 1914–1939: Підручн. для 10 класу. – Київ: Генеза, 2010. – 252 с.
- Турченко Ф.Г.* Новейшая история Украины. 10 класс. – Киев: Генеза, 2002. – 400 с.
- Хотите ли восстановления Советского Союза и социалистической системы? / Центр Разумкова. – Киев, 2005. – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=288 (Дата посещения: 20.05.2017.)